

Сибирские староверы: вне государственной поддержки и опеки*

Yulia Borovik

(Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia)

Siberian Old Believers: outside state support and custody

DOI:

Белокриницкое согласие (современная Русская православная старообрядческая церковь, РПСЦ) появилось достаточно поздно — в конце 1840-х гг., но быстро распространилось на территории Российской империи и заняло ведущие позиции в поповском течении старообрядчества. После ужесточения репрессивной политики правительства Николая I и разгрома крупнейшего поповского центра в Поволжье на р. Иргиз, откуда прежде старообрядческие общества получали «исправленных» беглых священников, часть старообрядцев перешла к беспоповской практике (как это сделали на Тюменском соборе 1840 г. староверы Зауралья, признававшие, однако, необходимость священства), а другие, следуя решению собора на Рогожском кладбище в 1823 г., продолжали искать епископа за пределами Российской империи. Их усилия увенчались успехом 28 октября 1846 г., когда в с. Белая Криница (на территории австрийской Буковины) к старообрядцам присоединился удалённый константинопольским патриархом со своей кафедры из-за конфликта с турецкой администрацией и бедствовавший в Константинополе на покое митрополит Босно-Сараевский

Амвросий (Папа-Георгополи), вскоре рукоположивший двух епископов и восемь иереев. За ними последовали прежде всего общества бывших беглопоповцев, «по нужде» окормляемые наставниками. К стремительно развивавшемуся согласию «австрийцев» исследователи проявляли устойчивый интерес с последней четверти XIX в.¹, активно изучается оно и в настоящее время². Однако процесс возникновения белокриницких общин в провинции, их региональная специфика, особенности мировоззрения и полемическое творчество местных лидеров остаются ещё малоизученными. Труд сотрудника сектора археографии Сибирского отделения Института истории РАН Н.А. Старухина, подготовленный под научным руководством академика Н.Н. Покровского (1930—2013) заполняет многие лакуны и существенно расширяет круг источников, позволяющих лучше понять, как обстояли дела становления согласия в целом, так и эволюцию урало-сибирских общин в имперский период.

Работа состоит из введения с обзором исследований и источников, шести глав и заключения. Первую главу открывает подробный экскурс в историю становления Белокриницкой

¹ Старухин Н.А. Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2015. 206 с.

Рецензия подготовлена в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/ПЧ «Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти» госзадания МО РФ.

иерархии в России. Автор освещает создание и развитие структуры управления и административно-территориального деления Московской архиепископии, а также основные дискуссии в среде староверов второй половины XIX — начале XX в. (прежде всего вокруг «Окружного послания»). В книге подробно показана организация Духовного совета — совещательного органа при московском архиепископе, в 1863—1898 г. игравшего ведущую роль в руководстве общинами по всей России. Анализируя проект образования Духовного совета и текст его устава, исследователь приходит к выводу, что инициатива создания этого органа принадлежала группе, связанной с московским купечеством. Более того, в Уставе изначально содержались положения, предоставлявшие исключительно широкие полномочия столичным попечителям и старейшинам, что впоследствии привело к противостоянию между руководством согласия и провинциальными общинами (в том числе сибирскими), которые стали поддерживать оппозиционную Духовному совету общественную организацию старообрядческих полемистов — Братство Честного и Животворящего Креста. Как отмечается в книге, другие противоречия были вызваны неоднородностью общин как в центре, так и в провинции. В них не всегда совпадали взгляды даже внутри отдельных групп (духовных лидеров, священников, попечителей, рядовых членов).

Вторая глава посвящена изменениям в законодательстве и государственной политике в отношении старообрядчества во второй половине XIX в. С 1864 г. количество запретов постепенно сокращалось, права старообрядцев расширялись. В 1874 г. они получили возможность легализовать свои семьи, внося записи в метрические книги при волостных и полицейских управлениях. Тем не менее в

Святейшем Синоде были чрезвычайно обеспокоены распространением влияния «австрийцев», которое считалось опасным и «вредным». Для его уменьшения заштатным священникам в 1895 г. даже разрешили переход к беглопоповцам. Попытки пресечения «раскола» вызывали у старообрядцев противодействие. Так, в Томской губ. они выходили из православных приходов, отказывались от уплаты руги, угрожали клиру, распространяли подложные «государевы указы». В начале XX в. белокриницкие начётчики вели активную полемику с миссионерами.

Главы 3—6 раскрывают историю белокриницкого согласия в Томской епархии, выделенной из Тобольской в 1886—1887 гг.: процесс закрепления старообрядческого епископата в Сибири и возникавшие при этом трудности. Рассматриваются специфические варианты организационного оформления местных мирских и иноческих общин, положение и роль состоятельного слоя прихожан, деятельность епископов Савватия (Лёвшина), Мефодия (Екимова) и Антония (Паромова), а также руководителя крупнейшего западно-сибирского скитского центра игумена Феофилакta (Савкина), их взаимоотношения с московской архиепископией. По словам автора, «нередко установление властной вертикали, особенно на первых этапах становления согласия, приводило к столкновению иерархии со сложившейся стихийной практикой общин, традициями независимого прихода; зачастую сложно вписывались в выстраиваемую иерархическую систему и взаимоотношения мирских и духовных лидеров» (с. 71). Чаще всего причиной разногласий и претензий со стороны общин становились поставления, перемещения или запрещения священников без согласования с местными попечителями и прихожанами (с. 88, 100—101, 103, 112—113). Впрочем, в этом видится,

скорее, процесс определения границ полномочий общин с хорошо развитыми традициями самоуправления нежели собственно оппозиция руководству согласия.

Старухин обстоятельно показывает, как происходило распространение белокриницкого священства среди беглопоповцев Томской губ. с начала 1860-х гг. и как складывались взаимоотношения этих направлений старообрядчества. Судя по обнаруженным среди рукописей РГБ письмам епископа Савватия, он считал недействительными крещения и бракосочетания, совершаемые наставниками часовенного согласия. Однако у него не вызывали нареканий аналогичные действия белокриницких уставщиков и наставников (с. 93, 107), которым в Сибири, где духовенства не хватало, разрешалось тогда крестить и венчать — также, как это делалось у часовенных. Повенчанные ими браки должны были впоследствии лишь довершаться священником.

Анализируя количественные и сословные характеристики белокриницких обществ, исследователь с подобающей осторожностью использует как сводные данные церковной и гражданской статистики, так и сведения самих «австрийских» иерархов. Например, епископ Мефодий, постоянно проживавший у себя на родине в д. Выдриха Бийского округа и не желавший переноса своей резиденции в Барнаул, явно завышал численность своей паствы в районе Семипалатинска, доводя её до 4 тыс. и, напротив, насчитывая всего 1,5 тыс. барнаульских старообрядцев, тогда как его предшественник в 1879 г. сообщал о 2 тыс. (с. 83, 99). В Томске Мефодий «знал» о четырёх семьях, а спустя два месяца игумен Феофилакт писал о двенадцати (с. 99). Сопоставляя данные разных источников, наиболее надёжными Старухин считает сведения середины 1880-х гг., когда Томская

епархия Белокриницкого согласия насчитывала 51 мирскую общину, 40 из которых располагались в сельской местности (в основном — в южном районе).

В четвёртой главе говорится о формировании иноческих и мирских (сельских и городских) белокриницких общин в Алтайском горном округе, где были сосредоточены, главным образом, сельские общества, принявшие священников «австрийской» иерархии в начале 1860-х гг., и вокруг Томска, где они появились под влиянием скитов в 1880-х гг. Сибирские городские общины имели священника (как правило, поставленного из крестьян) и состояли преимущественно из мещан и нескольких представителей купечества, в большинстве своём являвшихся горожанами в первом поколении. Священники выбирались (или, по крайней мере, согласовывались) и содержались общиной, которая также выделяла средства на культовые здания и походные церкви. Неудивительно, что миряне, особенно те, кто брал на себя крупные расходы, оказывали заметное влияние на организацию приходской жизни. Порою попечители выражали недовольство передачей местности в ведение редко бывавшего в ней епископа или отстаивали право влиять на перемещение епископской кафедры в регионе (с. 82, 110). В Барнауле, где основу прихода составляли переселенцы из подмосковных сёл, заметную роль играло купеческое семейство Афониных из крестьян Богородского уезда Московской губ. Кстати, члены этой фамилии находились в числе первых «австрийских» попечителей и на Урале³. О тесной связи старообрядцев урало-сибирского региона свидетельствовала поддержка екатеринбургскими купцами, проживавшими в Томске, белокриницкого скита на р. Юксе (с. 138).

Чрезвычайный интерес вызывают страницы монографии, посвящённые иноческим организациям

Томской епархии, которые являлись «локомотивами» укрепления иерархии. Обращаясь к неизвестным ранее источникам старообрядческого происхождения, автор детально восстанавливает историю Казанского скита, характеризует его состав и внутреннюю организацию. Особое внимание уделено биографии устроителя этой обители о. Феофилакта (Савкина). При исследовании скитского движения (возникновение и деятельность пустынь, их перемещение внутри региона и влияния на мирские общины) историк опирается на максимально возможный круг источников, включающий переписку, документы и сочинения о. Феофилакта из Отдела рукописей РГБ и архива митрополии РПСЦ, сохранившиеся в Государственном архиве Томской области, описания скитов, составленные «синодальными» наблюдателями. Обнаруженные Старухиным взаимосвязи между динамикой иноческого движения и полемическими выступлениями авторитетных белокриницких скитников свидетельствуют о преобладании в начале 1880-х гг. дебатов со старообрядцами других согласий (в основном с часовенным согласием, меньше — с поморцами и странниками), тогда как позднее, по мере распространения влияния томских скитов на большую часть обществ севера губернии, споры всё чаще велись уже между самими «австрийцами» и были нередко связаны с обличением «сильных и богатых». Изучение творчества энергичного томского игумена о. Феофилакта позволило автору существенно уточнить хронологию и содержание дискуссий на эсхатологические темы, происходивших как между представителями часовенного и белокриницкого согласий, так и внутри каждого из

них. Кроме того, обличительная проповедь «сибирского Златоуста», обличавшего «враждебные власти» и «рачителей богатства» — как местное, так и столичное купечество, а также часть духовенства, сыграла заметную роль в идейном противостоянии Духовному совету в 1880-х гг. (с. 190—195).

Представленные в монографии возможности влияния мирян, поповичей и лидеров иноческих обществ на принятие решений в согласии открывают новые перспективы для понимания особенностей жизни духовенства и прихода вне государственного контроля и опеки.

Примечания

¹ См., в частности: *Субботин Н.И.* Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой австрийской и белокриницкой иерархии. М., 1874; *Субботин Н.И.* Материалы для истории так называемой австрийской или белокриницкой, иерархии. М., 1897; *Субботин Н.И.* История так называемого австрийского, или белокриницкого, священства. М., 1899; *Смирнов П.С.* Исторический очерк поповщины // Миссионерский сборник 1893. № 1—3, 5; *Беликов Д.Н.* Старообрядческий раскол в Томской губернии по судебным данным. Томск, 1894; *Беликов Д.Н.* Томский раскол: исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск, 1901.

² *Крахмальников А.П.* Сочинения староверов белокриницкого согласия (1846—1862 гг.). М., 2012; *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. Изд. 2. М., 2012.

³ *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории Русской православной старообрядческой церкви — белокриницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 157—158.